

КРИСТОФЕР ПРИСТ

КРИСТОФЕР ПРИСТ

Дотерея

fanzon

Москва

2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П77

Christopher Priest

THE AFFIRMATION

Copyright © 1981 by Christopher Priest

Разработка серии и иллюстрация на обложке и форзаце
В. Половцева

Перевод с английского *М. Пчелинцева*

Оформление *А. Саукова*

Прист, Кристофер.

П77 Лотерея / Кристофер Прист ; [пер. с англ. М. А. Пчелинцева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Большая фантастика).

ISBN 978-5-699-91659-7

Питер Синклер потерял все — отца, любимую девушку, работу. Чувствуя, что сама жизнь ускользает, как песок между пальцами, он пытается зафиксировать ее на бумаге. Но то, что начинается как автобиография, вскоре оборачивается историей совершенно другого человека в другом мире, и новая реальность засасывает Питера с головой...

От автора «Опрокинутого мира», «Машины пространства», «Гламура» и экранизированного Кристофером Ноланом «Престижа» — романа, благодаря которому престижный альманах «Гранта» включил Приста в свой список наиболее перспективных британских авторов 1980-х годов наряду с Мартином Эмисом, Яном Макьюэном, Джулианом Барнсом, Салманом Рушди, Кадзуо Исигуро и Грэмом Свифтом.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© М. Пчелинцев, наследники, перевод
на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91659-7

Посвящается М. А. и Л. М.

О мудрые, из пламени святого,
Как со золотых мозаик на стене,
К душе моей придите и сурово
Науку пенья преподайте мне,
Мое убейте сердце: не готово
Отречься тела бренного, зане
В неведеньи оно бы не взалкало
Искомое бессмертного вокала.

Мне не дает неверный глазомер
Природе вторить с должною сноровкой;
Но способ есть — на эллинский манер
Птах создавать литьем и тонкой ковкой
Во злате и финифти, например,
Что с древа рукотворного так ловко
Умеют сладко василевсам петь
О том, что было, есть и будет впредь.

У. Б. Йейтс, «Плавание в Византий»
(Пер. Е. Витковского)

Нижеследующее я знаю точно.

Мое имя Питер Синклер. Я англичанин, мне двадцать девять лет, во всяком случае — было двадцать девять, здесь уже вкрадывается некая неопределенность. Возраст подвержен изменениям, сейчас мне уже не двадцать девять лет.

Когда-то я верил, что категоричность слов является верной гарантией истинности сказанного. Имея соответствующее желание и подобрав правильные слова, я смогу, в силу самих уже этих обстоятельств, писать правду и только правду. С того времени я успел узнать, что слова надежны не сами по себе, а лишь в той степени, в какой надежен разум, их отбирающий, а потому в основе любого повествования лежит своего рода обман. Тот, кто проводит отбор чересчур скрупулезно, становится сухим педантом, зашоривает свою фантазию от более широких, ярких видений, однако тот, кто перегибает палку в другую сторону, приучает свой разум к анархии и вседозволенности. Что же до меня, я скорее предпочту рассказывать о себе, опираясь на свой сознательный выбор, чем

на игру случая. Могут сказать, что эта «игра» порождается моим сознанием и тем уже интересна, однако я по необходимости пишу с постоянной оглядкой на дальнейшее развитие событий. Многие в них еще не ясно. Сейчас, на старте, мне никак не обойтись без занудного педантизма. Я обязан выбирать слова с предельной осторожностью. В моем повествовании не должно быть места для ошибок.

А потому я начну его заново. Летом 1976 года, когда я поселился в коттедже Эдвина Миллера, мне было двадцать девять лет.

Как этот факт, так и мое имя можно считать установленными точно, потому что они получены из объективных, независимых от меня источников. Имя я получил от своих родителей, год был написан в календаре, так что спорить здесь не о чем.

Весной того самого года, когда мне было еще двадцать восемь, моя жизнь достигла поворотной точки. Это выразилось в сплошной полосе несчастий, вызванных обстоятельствами чисто внешними, мне не подвластными. Упомянутые несчастья никак друг от друга не зависели, однако они свалились на меня почти одновременно на протяжении немногих недель, а потому казались результатом некоего зловещего заговора.

Первое и главное, умер мой отец. Совершенно неожиданная смерть — его убила церебральная аневризма, никак до того не проявлявшаяся. У нас с отцом были хорошие отношения — и близкие,

и достаточно отстраненные; после смерти матери, наступившей двенадцатью годами раньше, я и моя сестра Фелисити тесно с ним сблизилась, хотя и находились в том возрасте, когда подростки, как правило, бунтуют против своих родителей. Года через два или три, частично из-за того, что я поступил в университет, частично из-за моих расхождений с Фелисити, эта близость нарушилась. Мы трое жили теперь в разных частях страны и сходились вместе лишь по очень редким случаям. Однако воспоминания о том коротком периоде создавали между мной и отцом прочную, никогда не обсуждавшуюся нами связь, и мы оба ее ценили.

Отец умер человеком состоятельным, но никак не богатым. К тому же он не оставил завещания, что означало для меня ряд скучнейших встреч с его юристом. В конечном итоге мы с Фелисити получили по половине его денег. Сумма не была достаточно большой, чтобы заметно изменить нашу жизнь, однако в моем случае ее хватило, чтобы смягчить то, что вскоре последовало.

Дело в том, что через несколько дней после смерти отца я узнал, что меня увольняют.

Страна вошла в полосу экономического упадка со всеми его радостями: ростом цен, забастовками, безработицей и нехваткой капитала. Полный мелкобуржуазного гонора, я считал самоочевидным, что университетский диплом надежно защитит меня от всего этого. Я работал химиком в фирме,

производившей ароматические вещества для большой фармацевтической компании, ну а там произошло слияние с другой группой, изменение рыночной политики, и в итоге наша фирма была вынуждена закрыть мой отдел. Сперва я решил, что поиски новой работы будут несложной, чисто технической задачей — на моей стороне были опыт, образование и готовность быстро перекалибрироваться. К сожалению, скоро выяснилось, что я далеко не единственный дипломированный химик, попавший под сокращение, а количество подходящих вакансий исчезающе мало.

Затем мне было отказано от квартиры. Государственное законодательство, частично защищавшее арендаторов за счет ущемления прав домовладельцев, изуродовало всю механику спроса и предложения. Покупка и перепродажа недвижимости стала более выгодной, чем сдача ее внаем. Что касается меня, я снимал квартиру в Килбурне, на первом этаже большого старого дома, и жил там уже несколько лет. Теперь этот дом был продан риелторской фирме, и мне предложили съехать. Для таких случаев была предусмотрена возможность обжалования, однако действовать следовало быстро и энергично, а я был полностью поглощен прочими своими бедами. Вскоре стало ясно, что съехать все-таки придется. Но куда, если покидать Лондон не хочется? Мою ситуацию никак нельзя было назвать атипичной, спрос на квартиры непрерывно рос, а предложение падало.

Арендная плата стремилась куда-то в заоблачные выси. Люди, имевшие квартиры в долгосрочной аренде, держались за них обеими руками, а уж если куда-нибудь переезжали, передавали арендные права своим друзьям. Я делал все возможное: зарегистрировался в уйме агентств, звонил по объявлениям, просил всех моих знакомых, чтобы они сразу же мне сообщали, если услышат об освобождающейся где-нибудь квартире, однако за все то время, когда надо мной висела угроза выселения, мне ни разу не представилось случая хотя бы осмотреть предлагаемое жилище, не говоря уж о том, чтобы найти что-нибудь подходящее.

А для полной, видимо, радости в это же самое время мы с Грацией напрочь разругались. И если все прочие проблемы свалились на меня извне, то здесь я сам был отчасти виноват и не имею права складывать с себя ответственность.

Я любил Грацию, и она меня вроде бы тоже. Мы были знакомы довольно давно и прошли через все обычные стадии: новизны, притяжения, крешущей страсти, временного разочарования, обретения наново, привычки. Она была сексуально неотразима, во всяком случае — для меня. Мы могли быть друг другу хорошей компанией, удачно дополняли настроения друг друга и в то же время сохраняли достаточно различий, чтобы время от времени друг друга удивлять.

Вот в этом и крылся будущий наш разлад. Мы с Грацией возбуждали друг в друге несексуальные

страсти, которых ни я, ни она не испытывали в чем-либо еще обществе. Она вызывала во мне, человеке довольно спокойном, приступы ярости, любви и горечи, почти ужасавшие меня своей силой. В присутствии и при участии Грации все бесконечно обострялось, все приобретало тревожную, разрушительную буквальность и значимость. Легкость, с какой у Грации менялись намерения и настроения, приводила меня в бешенство, к тому же она была сплошь наспигована невротами и фобиями, что казалось мне поначалу весьма трогательным, а потом стало заслонять все остальное. Неустойчивая психика делала ее одновременно и хищной, и легкоуязвимой, в равной степени — хотя и в разные моменты — способной страдать и причинять страдание. С ней было трудно, и даже долгая привычка ничуть не смягчала эту трудность.

Когда мы ссорились, ссоры вспыхивали неожиданно и протекали очень бурно. Они всегда застигали меня врасплох, хотя позднее я с удивлением понимал, что напряжение нарастало уже несколько дней. Как правило, эти ссоры прочищали воздух и завершались обновленным, более острым ощущением нашей близости — либо сексом. Бурный темперамент Грации оставлял ей только две крайние возможности: либо прощать быстро, либо вообще не прощать. Во всех, кроме одного, случаях она прощала быстро, и этот единственный стал, естественно, последним. Эта кошмарная, совершенно базарная свара разрази-

лась прямо на улице. Грация визжала и крыла меня последними словами, люди проходили мимо нас, делая по возможности вид, что ничего не видят и не слышат, а я стоял как истукан, кипящий возмущением внутри и абсолютно невозмутимый наружно. Затем я повернулся и ушел домой, и там меня вытошнило. Все мои попытки до нее дозвониться были безуспешными, она то ли ушла куда-то, то ли не брала трубку. Как нарочно, это случилось в самый неподходящий момент, когда я искал работу, искал квартиру и пытался привыкнуть к тому, что у меня теперь нет отца.

Вот таковы факты — насколько выбранные мною слова способны их описать.

Как я на все это реагировал, вопрос совершенно другой. Практически каждый человек в тот или иной момент своей жизни теряет родителей, каждый, у кого возникает такая необходимость, находит со временем новую работу и новую квартиру, а печаль, сопровождающая разрыв любовной связи, мало-помалу рассеивается либо быстро сменяется радостью новой встречи. Только на меня все это свалилось одновременно; я чувствовал себя как человек, которого сбили с ног, а затем, прежде чем он успел подняться, еще и втоптали в землю. Я был жалок, деморализован, наполнился горечью на несправедливость судьбы и ненавистью к удушающему кошмару Лондона. Как-то так вышло, что большая часть моего недовольства сосредото-

чилась на Лондоне, теперь я видел в нем массу недостатков и только их. Шум, грязь, вечная толкучка, дорогой общественный транспорт, плохое обслуживание в магазинах и ресторанах, задержки и неразбериха — все это казалось мне характерными проявлениями случайных факторов, грубо нарушивших мою жизнь. Я устал от Лондона, устал от себя, живущего в этом городе. Однако такая позиция не сулила ничего хорошего — я уходил все глубже в себя, становился вялым и бездеятельным, опасно приближался к грани саморазрушения.

Помогла счастливая случайность. Разбирая отцовские письма и бумаги, я захотел встретиться с Эдвином Миллером.

Эдвин был другом семьи, но я очень давно его не видел. Собственно говоря, мое последнее воспоминание о нем относилось к школьным годам, воспоминание о том, как он и его жена бывали у нас в гостях. Мне было тогда лет тринадцать или четырнадцать. Детские впечатления очень ненадежны: я вспоминал Эвина и других приходивших к нам взрослых из компании моих родителей с не критическим чувством приязни, но эта приязнь была не столько личной, сколько опосредованной, полученной от родителей. Собственного мнения у меня фактически не было. Школьные уроки, подростковые развлечения и страсти, физиологические неожиданности собственного тела и все прочее, положенное этому возрасту, произ-

водили на меня куда более глубокое, непосредственное впечатление.

Было очень интересно взглянуть на Эдвина теперь, когда мне было уже под тридцать, а ему слегка за шестьдесят. Худой, жилистый, загорелый, он лучился неподдельным дружелюбием. Мы с ним пообедали в его гостинице, стоявшей на окраине Блумсбери. Была ранняя весна, и туристский сезон едва начинался, однако мы с Эдвином оказались едва ли не единственными на весь ресторан англичанами. Я вспоминаю группу немецких бизнесменов за соседним столиком, а еще японцев, арабов и кого только не; даже официантки, одна из которых принесла нам говяжью вырезку, были то ли малайками, то ли филиппинками. Все это дополнительно подчеркивалось Эдвиновым грубовато-провинциальным акцентом, живо напомиравшим мне детство, наш дом на окраине Манчестера. Я давно уже привык к год от года все более космополитической природе лондонских ресторанов и магазинов, а вот сейчас Эдвин странным образом ее высветил, заставил казаться противоестественной. Все время, пока мы обедали, я ощущал ностальгию, сосущую тоску по времени, когда жизнь была много проще. Спору нет, она была и более ограниченной, и далеко не все смутные воспоминания, отвлекавшие меня от обеда, имели приятный характер. Эдвин был чем-то вроде символа прошлого, и первые полчаса, когда мы не перешли еще от обмена любезностями к нор-